

Маяковский посвятил ей всю свою лирику. Тем не менее для многих она загадка. Она создавала миф из своей жизни. Перед смертью она закрыла свой архив на 30 лет. Но порой была исключительно откровенна с собеседником. 23 года назад таким собеседником стал Соломон Волков, известный теперь прежде всего книгами разговоров с Дмитрием Шостаковичем и Иосифом Бродским.

В августе, двадцать лет тому назад, покочила жизнь самоубийством Лилия Юрьевна Брик. Ей было 86. Когда вест об этом долетела до Нью-Йорка, моя жена Марианна поставила на магнитофон пленку моего разговора с Лилей Юрьевной, записанную в 1975 году, перед моим отъездом из России. И мы вновь услышали ее внятней, спокойней голос.

Лилия Юрьевна была блестящим и трезвым человеком. За свою долгую жизнь она успела побывать танцовщицей, киноактрисой и моделью, киносценаристкой и кинорежиссером, даже скульптором — и весьма неплохим. Была хозяйкой литературного салона. Писала прозу. Но прославилась не этим. Главное — она была Поэтом. Я сейчас говорю не о ее реальной совместной жизни с Маяковским, а имею в виду тот образ, который она создала после его смерти и который воплотила на протяжении почти пятидесяти лет. Это была роль неимоверной трудности, и провела ее Лилия Юрьевна великолепно. Ведь у нее не было ни образца, ни модели. Ситуация, если вдуматься, была довольно таки двусмысленной, а в нашей пуритански-ханжеской стране — так и вовсе невозможной. Нужны были ум, вкус, такт, талант и железная воля Лилии Брик, чтобы все эти годы с достоинством оставаться на общественной сцене. Это особенно ясно теперь, когда «подруг поэтов» всяческих сортов и калибров расплодилось множество. Можно вспоминать, говорить и печатать что угодно, где угодно. Плотину прорвало! Увы, с Лилей Брик их не сравнишь. Она так и осталась единственной в своем роде...

СОЛОМОН ВОЛКОВ

— Расскажите, пожалуйста, как начинался ваш роман с Маяковским. Но сначала расскажите про себя.

— У меня, как водится, были папа и мама. Мама была музыкантша. Она окончила Московскую консерваторию, но не получила диплома, потому что папа счел неприличным для женщины иметь профессию. Женщина должна была быть только матерью и хозяйкой. Потом это изменилось, папа тоже очень изменился. Но это было давно. Папа был адвокат. Главным образом по еврейским делам.

— А об еврейских делах в вашем доме говорили?

— Нет, почти нет. Иногда папа рассказывал о каком-нибудь судебном деле, которое он выиграл. А так — родители были антикварами. Они были против еврейского государства, за ассимиляцию. И папа и мама чувствовали себя немцами, прибалтийскими немцами. У нас в доме даже иногда говорили по-немецки. По-русски и по-немецки.

— А в гимназии, где вы учились, у вас были столкновения из-за того, что вы — еврейка?

— Нет, нет. В гимназии — нет. Потом — бывало. Потом, когда некоторые мои поклонники вдруг узнавали, что я еврейка, то они очень пугались.

— Их это шокировало? В предреволюционной России еврейская девушка была «шокигом»?

— Моя французская учительница познакомила меня с одним офицером, приятелем своего мужа. Мы все вместе пошли в Манеж. И там отправились в буфет выпить лимонаду или минеральной воды. Когда выяснилось каким-то образом, что я еврейка, то этот офицер встал и, не заплативши за воду, ушел. До такой степени он был убит. Потом я сказала своей французжанке: «Что ты меня знакомишь с такими людьми?» Она стала меня уверять, что произошла ошибка, что он просто не ожидал этого и так далее. В другой раз один офицер, узнав, что я еврейка, сказал: «Ну, для женщины это еще ничего» — вы еще можете выйти замуж за русского».

— А в отношениях с Маяковским ваше еврейство было когда-нибудь проблемой?

— Никагда. Только неожиданная строчка «ослепительная царца Сиона свресева» в его поэме «Флейта-позвончик». Помню, меня тогда это очень удивило, потому что Маяковский — это был минус антисемитизм. Он был членом общества ОЗЕТ, созданного в советское время для землеустройства евреев. Он носил значок ОЗЕТ, он ездил со мной на съемки фильма в поддержку ОЗЕТ.

— Как получилось, что Маяковский принял участие в фильме об евреях?

— Кто-то рассказал мне о еврейских земельных колониях в Крыму. Я поехала в Крым, Маяковский тоже приехал туда. Вот мы вместе и сделали этот фильм.

— Идея ОЗЕТ была тогда популярна среди советской интеллигенции?

— Нет, нет. Но, во всяком случае, Маяковский написал в то время стихотворение «Еврей» и посвятил его — товарищам из ОЗЕТА. В общем, Маяковский был антиантисемитом. Но не интересовался особенно этим вопросом. Если бы он узнал, какая разверзется после его смерти антисемитская кампания в связи с нашим отношением, он бы всех этих бандитов перестрелял. Переулыбился своими руками. Он никогда не дрался, Маяковский. И кто-то его спросил, почему. Маяковский ответил: «Не дерусь, потому что боюсь убить». Он был очень сильный.

— А как на вашем горизонте появились футуристы?

— Футуристы появились через мою сестру Эльзу. Эльза познакомилась с Маяковским у наших родственников.

— Значит, первой познакомилась с Маяковским Эльза?

— Она, она. Сначала она была.

— А как встретилась с Маяковским вы?

— Это длинная история. Маяковский стал приходить к Эльзе домой. Это было в Москве, а я тогда жила в Петрограде. Поэтому папа смертельно заболел. У него был рак. Лето 1915 года родители и Эльза провели на даче под Москвой. Я приехала из Петрограда, чтобы повидать папу. И сидела летним вечером на лавочке, болтала с Эльзой.

Вдруг из темноты пришел, возник огромный человек с папиросой. И говорит: «Эличка, пойдете гулять». Эльза меня познакомилась: «Это — Маяковский». Я его даже и не разглядела. Только подумала, что

очень приятный голос. И Эльза с Маяковским ушли. Начался дождик, а я не могу вернуться домой без сестры. Потому что Эльза ушла с футуристом поздно вечером в лес. Так я и сидела как дура под дождем. Когда Эльза и Маяковский вернулись, я ее изругала. А Маяковскому я сказала: «Вот видите, Владимир Иванович, я так и знала, что получите неприятности, я так и говорила».

Потом была еще одна встреча. Маяковский пришел и был довольно нахальный.

Надо сказать, что Маяковский никогда не врал. Я говорю не пустые слова, это действительно так. Маяковский не врал, потому что ему врать было совершенно неинтересно. Ему неинтересно было сказать: «Отвечь, что меня нет дома». Он говорил: «Скажи, что я не подойду к телефону». То есть то, что думал в данный момент, то и говорил. <...>

— Как ваше знакомство с Маяковским перешло в любовь?

— Володя влюбился в меня сразу, внезапно. И это внезапно влюбление уж никогда не прекращалось, даже позднее, когда мы больше уже не были физически близки.

Когда я сошлась с Маяковским, я уже целый год не жила с Брик, хотя мы оставались мужем и женой. Я была совершенно свободна. И все-таки я сказала Брику: «Особ, вот мы с Володей полюбили друг друга. Что делать?» Брик говорит: «Я пони-

ром — сидит с револьвером в руках и вертит его, пока ему не скажут: «Уберите, спрячьте, это не игрушка, зачем он вам?» Ответ Маяковского был: «Может пригодиться». Похоже ли это на Маяковского? Действительно ли он всегда игрался с револьвером?

— Ну уж всегда! Изредка... У нас у всех было оружие. И после революции у нас было разрешение на оружие. У меня в сумочке всегда был маленький «Вальтер», который я тактично и не воспользовалась. У Маяковского было пять или шесть пистолетов и револьверов. Он любил оружие. Он замечательно стрелял. Маяковский ведь был левша. Он и застрелился левой рукой».

И вы знаете, ведь тогда, в 1930 году, он стрелялся не в первый раз. Первый раз он стрелялся еще в 1916 году. Причиной было опять нечто совершенно воображаемое. Мы уже были близки друг с другом, но жили еще не вместе. Маяковский позвонил

Меня все время этим попрекают. Я на эти попреки отвечаю так: «Уверю вас, у Маяковского ничего не осталось неиспользованным. Хорошие строчки из этого «Дон-Жуана» наверное вошли позднее в другие вещи — в «Люблю» или в «Про это», и вообще не знаю, еще куда, — может быть, в стихи к Татьяне Яковлевой».

— Маяковский зарабатывал на жизнь — всем трем — своими стихами. Это было трудным делом?

— Для того чтобы печататься, нужна была страшная пробынная сила. Маяковский каждое стихотворение печатал, пробивая предварительно головкой стелу. Он один раз пришел из Государственного издательства, появилась на тактуatum вниз и завыл: «Я больше не могу!» Так было!

— Лилия Юрьевна, вот вы говорите, что у Маяковского было пять или шесть пистолетов...

ли в свое время огромную роль в культурной истории России.

— Маяковский совершенно не печатал. Шесть лет! Я не знала — что мне делать? В издательстве меня считали истеричкой. Каждый раз я уходила оттуда в слезах. Все были врагами Маяковского! Все эти так называемые реалисты его ненавидели!

Ну, я и сказала: «Товарищи, я больше не могу. Есть один адрес, куда можно писать — Сталину. И я ему напишу. Если он захочет что-нибудь ответить — он ответит. А если нет... Я, во всяком случае, сделаю то, что я должна сделать. Потому что другого пути нет».

Я написала письмо Сталину. В субботу Примаков ехал в Москву. Он отдал это письмо команданту Кремля, и Сталин, увидев мое, получил его в тот же день.

Это была суббота, а в понедельник мне уже звонили из Центрального Комитета партии. Звонил Ежов, который тогда еще не был тем Ежовым. Тут пришел Примаков. Я его спрашивала: «Кто такой Ежов? Он говорит: «Это недавно избранный (или он сказал — назначенный, я уж не знаю, как это там делается) четвертый секретарь Центрального Комитета». Я попросила Примакова тут же заказать мне железнодорожный билет в Москву, на этот же вечер. Приготовила шаргалочку маленькую: что я должна сказать. Положила копию письма в сумку. Приехала в Москву и пошла в Центральный Комитет.

И полтора часа меня держал Ежов у себя! Полтора часа! Он позвонил Булганину, который тогда Московской ведал, сказал: «Вот что думает по этому поводу Хозин». И прочел ему резолюцию Сталина на моем письме.

На столе у Ежова лежало мое письмо к Сталину. И по нему наискоск красным карандашом была написана вся большая резолюция, в которой несколько раз упоминается моя фамилия. Дескать, прошу вас обратить внимание на письмо Брик, и Брик права, и свяжитесь с Брик, вызовите ее в Москву и так далее, и так далее.

У меня в сумочке была копия моего письма Сталину. И я попросила разрешения Ежова переписать резолюцию Сталина. Он сказал «пожалуйста!». И я эту резолюцию переписала себе. У меня сейчас такое впечатление, что если бы я Ежова тогда попросила, то он бы мне и оригинал письма с резолюцией Сталина отдал бы.

Сейчас у меня это письмо в сейфе глест. Вот та самая копия, которая у меня была в сумке тогда.

Я говорю Ежову: «У меня с собой есть шаргалочка». Он сказал: «Это очень хорошо. У меня очень хорошая зрительная память. У меня будет, на что опираться». Что-то в этом роде. И держал меня полтора часа! Все было решено. И насчет полного собрания сочинений Маяковского, и насчет музея. Привлекли и Тая, и Мехлиса. Мехлис был редактором «Правды». Таль был заведующим делами печати в Центральном Комитете.

В тот же вечер я была у Мехлиса в «Правде». И на следующий вечер пошла к нему. Все швыряли передо мной дверями. Были вообще в полном негодовании — по поводу того, что Маяковский выпало такое счастье. <...>

— А разве 17 апреля 1930 года, когда Маяковский хоронили, вся процедура не была организована по личным указаниям Сталина? Ведь похороны Маяковского стали грандиозным событием. Разве такое событие могло возникнуть стихийно в сталинской Москве?

— Нет, это все было стихийно. Не было специальной организации похорон. Никакой. Ведь никто не ожидал самоубийства Маяковского. Там были десятки, сотни тысяч людей. Я не могла пробиться в крематорий. И мать Маяковского сказала, что она не допустит, чтобы Володю похоронили без Лили Юрьевны. А там конная милиция и все такое! Тут начали кричать: «Брик! Брик! Брик!» И меня на руках перенесли через забор. И только таким образом смогла я войти в крематорий.

— Вы помните, как реагировал на известие о самоубийстве Маяковского Агранов? Я читал, что Агранов первый прочел предсмертное письмо Маяковского. Вероятно, ему важно было убедиться, что в этом письме нет ничего антисоветского.

— Агранов был просто убит этим известием. А Горюхины, когда узнал о смерти Маяковского, упал в обморок. Они его очень любили. Потом они стали, вероятно, негодьями. Вероятно, их сделали негодьями.

Когда мы, например, познакомились с Аграновым, он жил в какой-то комнатенке с клопами. Он нас приглашал к себе, и мы иногда вечером приходили к нему. И вечно не хватало водки. Так Агранов сам бежал на угол купить немножко водки. Семья Аграновых жила очень бедно. А уж потом Аграновы переехали в Кремль. И тут жена Агранова, Валентина, совершенно сошла с ума от важности. Она стала неузнаваема. Но мне потом рассказывала женщина, которая была с женой Агранова в одной камере, что Валентина приволакивали с допросов всю совершенно в ключья. Так там ее избивали! Ее приволакивали полуживой. И один раз жена Агранова сказала: «Если кто-нибудь из вас останется жив, расскажите другим, что с нами тут делали». И эта женщина мне об этом рассказала. Она чудом уцелела. Вот.

— То, о чем вы рассказываете, это очень интересно. Ведь об этом не пишут, вы знаете. И об отношении Сталина к Маяковскому теперь не пишут. Это со всех точек зрения запретная тема... Но ведь несомненно, что Сталин в ренессансней степени влиял на все литературные дела, все культурные события в стране.

— Сталин? Всё было под его пятой. Вообще всё. Обратиться нельзя было никуда, кроме как к Сталину. Был только один адрес. Если бы я захотела позвонить Молотову или Маленкову, это было бы бессмысленно. Через них можно было получить разрешение на заграничный паспорт, на визу, но не на то, чтобы издавать Маяковского.

— Как вы думаете, когда арестовали Примакова...

— Что? ...когда исчез Примаков, то... Я бы, конечно, исчезла тоже. И, конечно, меня спасла эта вот запись Сталина на моем письме. А так, конечно, меня бы не было. Я уверена в этом.

Лилия БРИК: В его револьвере была только одна пуля

23 года Соломон Волков медлил с публикацией этих откровенных признаний музы Маяковского

Один из последних снимков Лилии Брик

Он сказал: «Вы мои стихи не понимаете и, вероятно, даже прочесть не умеете». Я ему отвечаю: «Может быть». Я была дама вежливая, хорошо воспитанная. И думала, что поэтов нельзя ругать. Маяковский говорит: «У меня есть стихотворение «Мама и убитый немцами вечер». Он мне это стихотворение дал. Я прочла — что ж, все правильно. Маяковский говорит мне так самолюбиво: «Что, не нравится?» Я спокойно ответила: «Не очень». Вот с этого и началось наше знакомство, собственно говоря.

Потом умер папа. Я очень тяжело пережила папину смерть, очень исхудала. Пришел вдруг Маяковский. На сей раз он очень внимательно на меня смотрел. Брик совершенно другой, не задиристый. И говорит: «Вы катастрофически похудели».

Но главное было еще впереди. К нам приехала из Москвы Эльза, и Маяковский опять пришел. Он жил тогда в Куоккале, в Финляндии. Он уже читал свое поэму «Облако в штанах» Максиму Горькому. Я в то время уже больше трех лет была замужем за Осипом Брик. И когда завалился Маяковский, мы шепнули Эльзе: «Только не прося его читать». Потому что мы считали, что все эти футуристы — скандалисты. На своих выступлениях они швыряются графинами, и без городского дело не обходится. И поэтому мы на выступления футуристов не ходили.

Но Эльза-нас не послушалась. Эльза возьми да и скажи Маяковскому: «Владимир Владимирович, почитайте «Облако в штанах». Маяковский прочел нам «Облако». И это было такое впечатление, которое я не могу забыть до сегодняшнего дня. Он так читал, и он был так хорош собой! Он стоял в дверях и обратился к нам — как будто не стихами, а прозой — негромко: «Вы думаете, это бредит малярия? Это было, было в Одессе». Так он начал. И потом читал уже в полный голос, как будто на большую аудиторию. Поразительно читал! Я совершенно обалдела!

Осип Брик сказал Маяковскому: «Даже если вы больше никогда ничего не напишете, вы уже — гениальный поэт!» Маяковский был очень счастлив. Он сел с Эльзой за стол и пил чай с вареньем. Потом говорит мне: «Можно, я посвящу вам «Облако»? Не помню, что я ответила. Маяковский тогда вписал в тетраточку посвящение — «Лили Юрьевна Брик».

Я спросила Маяковского: «В поэме вы говорите о любви к Марии. Как вы можете посвятить одной женщине то, что написано для другой?» Маяковский ответил: «Нет, это не поэма о Марии, эта поэма не ей была предназначена». Он сказал, что речь в поэме идет о многих женщинах, что всех женщин в своей жизни он в этой поэме свел к одному имени, наиболее женственному, евангельскому какому-то: Марии. Он сказал мне: «Я совершенно чист перед собой, посвящая это вам».

маю. Как можно не любить Володю? Только давай никогда не расставаться». И мы никогда не расставались.

Маяковский и Брик сразу сделали друзьями. Брик страстно любил Маяковского! Они были очень близки. Когда Маяковский умер, то не Брик меня утешал (хотя я была совершенно убита), а я его утешала. Я ему говорила: «Маяковского не вернуть. Оттуда не возвращаются. И вообще, надо как-то жить». И Брик сказал мне такую вещь: «Представь себе — два клоуна, два акробата исполняют смертельный номер под куполом цирка. И один разбивается. Ну, что второму остается делать?»

— Расскажите о вашей семейной жизни

— Вы, Брик и Маяковский?

— Мы жили так. Всегда, какой бы любовный роман ни был у Маяковского, вечером он неизменно возвращался домой. Старался вернуться как-то, чтобы ни я, ни Брик еще не спали. Утром Маяковский просыпался первый, начинал ходить перед вуалью, нетерпеливо попуска Брика: «Вставай, вставай, старый хасид! Ну, вставай же!» Маяковскому быстрее хотелось сесть за стол. Он уже по обыкновению наделал массу бутербродов, целые запасы. За столом читались газеты. И вообще, мы очень дружно жили. А потом...

Собственно, я жила с Маяковским до его поездки в Америку в 1925 году. Когда он уехал туда, я уже себе сказала: «Если, когда Маяковский вернется из Америки, опять начнутся какие-то претензии по отношению ко мне, то мне придется уйти». Хотя я не могла противостать его стихам — совершенно! Страшно их любила. И всё знала насчет...

Но Маяковский почувствовал, что в наших отношениях что-то изменилось. Вернувшись из Америки, он сказал мне: «Я дал себе слово к тебе больше не лезть. Я понял, что если я к тебе еще пристану, то ты меня бросишь». И на этом наш физический контакт, начались романы уже совершенно сепаратные: у него были свои романы, у меня — свои.

Но мы продолжали жить вместе — я, Брик и Маяковский. Одновременно вставали, одновременно ложились. Много гуляли. Почти всегда играли во что-нибудь — в карты или в мажонг, иногда до утра. И никакая женщина не могла этому помешать.

— В своих стихах Маяковский часто говорит о том, как безумно он вас ревнует к другим мужчинам. Например, во «Флейте-позвончике»...

— Я не очень люблю эти его стихи. Потому что они были совершенно несправедливы. Когда он их сочинял, я была очень в него влюблена. У него не было никаких оснований ревновать. Но ему как поэту надо было писать эти стихи. Ревнивые. Понимаете? И чтобы писать эти стихи, он наворачивал себе эту ревность.

— Анна Ахматова рассказывала о Маяковском, что он всегда любил играть с револьвером

мне по телефону: «Прощай, Лилия, я стреляюсь!» Я крикнула в телефон: «Подожди меня!»

Я была не одета, в ночной рубашке. Накинула на себя пальто и ринулась вниз, прямо на извозчика. Извозчик гнала лошаками в спину, хотя мы очень близко жили. Примчалась к Маяковскому. Позвонил. Он, весь в слезах, сам открыл мне дверь. Весь в слезах. Он вообще очень часто плакал.

Я зашла к нему в комнату, и там на столе лежал пистолет. Маяковский мне говорит: «Я стрелялся. Была осечка. Второй раз нажать курок не решился — жал тебя». Ну, я стала его отвлекать, разговаривать о чем-то. Увела его к себе домой. Мы сели играть в преферанс. Маяковский играл в преферанс и одновременно совершенно заговаривал меня стихами: стихи Ахматовой, другие стихи, без конца, без конца.

Когда Маяковский ушел, я сказала Брику: «Такой человек, как Володя, — и к таким прибегает способам! Я его и так люблю, а он делает вид, что стреляется. Ну, как может быть осечка? Человек или застрелился, или нет». Я Маяковскому тогда не поверила.

Но потом он отдал мне эту пулю. На пуле была такая маленькая ямочка. Когда курок (или что там такое в револьвере) ударяет по пуле и не пробивает ее — это и есть осечка. Действительно, Маяковский тогда стрелялся, но вышла осечка. А потом я вообще знала, что Маяковский никогда не врет. Эта пуля долго лежала у меня в сейфе. Не знаю, куда она делась.

— Маяковский играл со смертью. На Западе эту игру называют «русской пулей»...

— Да, когда Маяковский стрелялся в 1930 году, то вынул из обоймы все пули, только одну оставил. И стрелялся он этой одной пулей! Знаю, какой он был суеверный, какой он был страшный фаталист, я уверена, что он думал: «Если не судьба, то опять будет осечка. Я еще поживу». Понимаете?

— Были ли у вас столкновения с Маяковским из-за его стихов, посвященных вам?

— Кроме «Флейты-позвончика», Маяковский писал и другие несправедливые ко мне стихи. Я хочу вам об этом рассказать. Он написал такое довольно длинное стихотворение — мне, во всяком случае, оно показало довольно длинным — под названием «Дон-Жуан». И прочел мне его на улице.

Я страшно разозлилась, потому что стихотворение это было очень похоже на «Флейту-позвончик», только гораздо хуже. И у меня было такое впечатление, что Маяковский написал это стихотворение из отходов «Флейты».

Я Маяковскому сказала: «Как не надоело — опять о неразделенной любви!» Он вынул рукопись из кармана, разорвал и бросил на улице.

— Да, да.

— Откуда такая необычная для тех лет коллекция? Маяковский получал это оружие через Агранова?

— Ну, не только через Агранова! Кто угодно давал ему... Был Агранов... Вообще, со всеми чекистами, которых Маяковский приводил в дом, он знакомился в чекистских клубах. Маяковский читал в разных чекистских клубах. И обязательно кто-нибудь из этого клуба потом приглашал Маяковского обедать. И так далее.

Агранов был старый большевик, он вернулся в 1917 году с каторги. Он был очень заинтересованный в поэзии человек. Когда Маяковский читал у чекистов, Агранову ужасно нравились стихи Маяковского. И Маяковский как-то пригласил Агранова к нам обедать. Потом Агранов попросил разрешения прийти с женой. Потом мы как-то подружился с ним. Он очень любил Маяковского.

А в Харьковском Маяковский подружился с Горюхиным. Таким образом, было несколько чекистов — друзей Маяковского.

— Среди них был и Волович?

— Что?

— Волович тоже был другом Маяковского?

— А-а, Волович. Маяковский познакомился с ним в нашем посольстве в Париже. Потому что они там были нашими разведчиками — Волович и его очень красивая жена Фаия. Очень красивая жена! А мы с Воловичем познакомились уже после смерти Маяковского. После того, как Маяковский уже погиб, когда Волович приехал в Москву, они нам позвонили. Спросили разрешения прийти. Мы сказали — «пожалуйста». Но потом... Вы знаете, что после смерти Маяковского я жила шесть лет с Примаковым?

— Знаю.

— Примаков замечательный был человек, совершенно замечательный. Да. Когда Примакова арестовали, все эти чекисты перестали к мне ходить. Они все меня испугались. Я обвала их пороги, звонила, писала письма. Думала как-то помочь Примакову. Остальные из «группы Тухачевского» были арестованы позже. Потом они все были расстреляны по одному суду, по одному процессу. Я была уверена, что заговор Тухачевского существовал! И поэтому я совершенно вырвала из своего сердца Примакова. Я его очень любила! Шесть лет с ним прожила. Он сразу в меня влюбился. Я ему сказала, что... только, если это всеерьеза. А иначе я не хочу. Примаков сказал: «С вами ничего не серьезь». И так мы с ним стали жить вместе.

— Это Примаков подал вам идею написать в 1935 году письмо Сталину с просьбой помочь «реализовать огромное революционное наследие Маяковского»?

— Нет. Это я подала такую идею всем другим.

— Расскажите, как это произошло. Ведь ваше письмо и резолюция Сталина на нем сыгра-

¹ Экспертиза, проведенная в начале 90-х годов, показала, что Маяковский выстрелил в сердце с правой руки.

Яков Агранов — один из высших чинов ОГПУ. Хотя Агранов считался другом Сталина, в 1937 году он был исключен из партии, а в 1938 году расстрелян. Его жена Валентина также была расстреляна.

² Советский шпион во Франции, затем — заместитель начальника личной охраны Сталина. В 1937 году Сталин обвинил Воловича в шпионаже в пользу Германии. Воловича расстреляли.

³ Виталий Примаков — один из легендарных фигур раннего периода Красной Армии, заместитель командующего Ленинградским военным округом. В 1936 году был обвинен в «предательстве и шпионаже» и арестован. Расстрелян в 1937 году вместе с маршалом Тухачевским и другими высшими советскими военачальниками.

Владимир БОДАНОВ